

ВОЗРОЖДЕНИЕ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

(«Тит-битс», 25 мая 1901 г.)

Множество читателей «Стрэнд мэгэзин» снова и снова просили нас убедить мистера Конан Дойля, чтобы он одарил публику новыми рассказами о своем замечательном персонаже. Мистер Конан Дойль был занят другими трудами, но недавно он прислал в «Стрэнд» большую историю, главным героем которой является великий Шерлок Холмс. Она появится и в британском, и в американском изданиях журнала. В Америке пьеса, основанная на происшествиях из карьеры великого сыщика, шла много месяцев с огромным успехом. Месяца через три ее поставят в Лондоне, и тогда же в «Стрэнде» увидит свет новая повесть о Холмсе. Объем книги составит от тридцати до пятидесяти тысяч слов, и она будет выходить с продолжением. Сюжет — один из самых захватывающих и потрясающих, какие нам доводилось встречать. Мы уверены: и те читатели «Стрэнда», которые обращались к нам с письмами, и те, которые нам не писали, будут очень рады тому, что мистер Конан Дойль вернулся к нашему давнему любимцу.

Мой дорогой Робинсон,

эта история обязана своим возникновением вашему пересказу легенды Западных графств. За нее и за помощь со всеми деталями — моя благодарность.

Искренне ваш,

А. КОНАН ДОЙЛЬ.

Хайндхед,

Хейзелмир

Глава I

МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС

Мистер Шерлок Холмс, спавший обычно допоздна и встречавший утро на ногах лишь в тех нередких случаях, когда не ложился всю ночь, сидел за завтраком. Я, стоя на коврик перед камином, держал трость, которую забыл накануне вечером наш посетитель: красивую и основательную, из цельного дерева, с набалдашником в форме луковицы, из тех, что называют «пенангский защитник». Под самым набалдашником виднелся серебряный поясok шириной в дюйм. На нем была выгравирована надпись: «Джеймсу Мортимеру, Ч. К. К. X.¹, от друзей по Ч. К. Г.» — и дата: «1884». Типичная трость старомодного семейного врача — солидная, надежная, внушающая почтение.

— И что вы о ней думаете, Ватсон?

Холмс сидел ко мне спиной, и я ни словом не обмолвился о том, чем занимаюсь.

— Как вы догадались, что я рассматриваю трость? Похоже, у вас глаза на затылке.

— Хорошо отполированный посеребренный кофейник служит им сносной заменой, — отозвался Холмс. — Но скажите, Ватсон, что поведала вам эта трость? Поскольку визитер не застал нас дома и цель его прихода неизвестна, этот случайный сувенир обретает кое-какой интерес. Послушаем, что вы, судя по нему, скажете о хозяине.

— Думаю, — начал я, стараясь следовать методу моего приятеля, — доктор Мортимер — процветающий немолодой медик, ценимый коллегами: иначе ему не сделали бы такого подарка.

— Хорошо! — сказал Холмс. — Отлично!

— По всей вероятности, он практикует за городом и довольно часто навещает пациентов пешком.

— Почему так?

¹ Член Королевской коллегии хирургов.

— Потому, что ни один городской врач не мог бы настолько износить эту прекраснейшую трость. Толстый железный наконечник сильно стерт, — очевидно, владелец исходил немало дорог.

— Очень разумно! — кивнул Холмс.

— Опять же, «друзья по Ч. К. Г.», как я догадываюсь, принадлежат к какому-то клубу какого-то графства. Вероятно, он оказывал его членам медицинскую помощь и они в знак благодарности преподнесли ему этот небольшой подарок.

— Поистине, Ватсон, вы превзошли самого себя. — Холмс, не вставая с кресла, отодвинулся от стола и закурил папиросу. — Должен сказать, ни один из отчетов, которые вы столь любезно посвящаете моим скромным достижениям, не воздает необходимой дани вашим собственным способностям. Блестать вы, положим, не блестяете, зато служите проводником света. Иные люди сами не обладают выдающимися талантами, однако мастерски умеют про-

буждать чужие. Признаюсь, дорогой друг, я очень многим вам обязан.

Прежде он ничего подобного не говорил, и, не скрою, я был очень польщен, ведь меня часто задевало равнодушие Холмса к моему восхищению и к моим попыткам ознакомить публику с его методами. И еще один повод для гордости: выходит, я освоил систему Холмса настолько, чтобы, применив ее на деле, заслужить его одобрение. Взяв у меня трость, он минут пять изучал ее невооруженным глазом. Явно заинтересовавшись, отложил в сторону папиросу, подошел к окну и заново осмотрел трость, на сей раз с помощью лупы.

— Любопытно, хотя и элементарно, — заметил Холмс, примостившись на свой любимый уголок дивана. — Кое-какие указания тут, безусловно, имеются. Это дает нам основу для некоторых выводов.

— Я что-то упустил? — спросил я не без самодовольства. — Надеюсь, ничто существенное от меня не ускользнуло?

— Боюсь, мой дорогой Ватсон, бóльшая часть ваших заключений ошибочна. Говоря, что вы меня стимулируете, я, признаюсь, имел в виду, что временами ваши заблуждения указывают мне дорогу к истине. Но в данном случае вы отчасти правы. Владелец трости действительно сельский врач. И много ходит пешком.

— Получается, я судил верно.

— Да, но только в этом.

— Но выводы этим и ограничиваются.

— Нет-нет, дорогой Ватсон, вовсе не ограничиваются. Я бы, например, предположил, что подарок доктору преподнес скорее госпиталь, чем какой-то клуб какого-то графства, и что инициалы «Ч. К.» перед «госпиталем» естественно было бы расшифровать как «Чаринг-Кросский».

— Возможно, это верная догадка.

— Скорее всего. И, приняв ее за рабочую гипотезу, мы обретаем новую основу, чтобы выстроить образ нашего неизвестного посетителя.

— Ну хорошо, предположим, что «Ч. К. Г.» — это «Чаринг-Кросский госпиталь». Что еще мы можем из этого заключить?

— Разве это не очевидно? Вам известны мои методы. Так примените их!

— Мне приходит в голову лишь очевидный вывод, что мистер Мортимер, прежде чем переселиться в деревню, практиковал в городе.

— Думаю, мы вполне можем пойти еще дальше. Поразмыслите вот о чем. В каких случаях люди обычно получают подобные подношения? Когда друзья могли подарить мистеру Мортимеру в знак своего расположения эту трость? Разумеется, в тот день, когда мистер Мортимер покинул госпиталь, чтобы открыть частную практику. Мы знаем, что он получил подарок. Предполагаем, что доктор перебрался из городского госпиталя в деревню. Разве будет слишком смелым допущение, что подарок был приурочен к этой перемене обстоятельств?

— Вполне правдоподобно.

— Заметьте к тому же, что доктор Мортимер не мог быть штатным сотрудником госпиталя, поскольку туда принимают только медиков с солидной лондонской практикой, а такие в деревню переезжать не станут. Кто же он тогда? Если он работал в госпитале вне штата, значит был либо хирургом-практикантом, либо врачом-практикантом — статус немногим выше студента старших курсов. Уехал он пять лет назад — дата обозначена на трости. А стало быть, мой

дорогой Ватсон, ваш степенный семейный врач растворяется в воздухе и его место заступает молодой человек, еще не достигший тридцати лет, — дружелюбный, нечестолобивый, рассеянный, любящий свою собаку, которая, по грубой прикидке, немного крупнее терьера, но мельче мастифа.

Я недоверчиво улыбнулся, а Шерлок Холмс откинулся на спинку дивана и стал пускать к потолку зыбкие колечки табачного дыма.

— Что касается ваших последних утверждений, то их я проверить не могу, — сказал я, — но относительно возраста и профессиональной карьеры нашего посетителя мне нетрудно навести справки.

С моей скромной медицинской полки я снял «Врачебный справочник» и стал искать Мортимеров. Их оказалось несколько, но наведаться к нам мог лишь один. Я прочел справку вслух:

— «Мортимер, Джеймс, Ч. К. К. Х., тысяча восемьсот восемьдесят второй, Гримпен, Дартмур, Девон. С восемьдесят второго по восемьдесят четвертый — хирург-практикант в Чаринг-Кросском госпитале. Удостоен премии Джексона по сравнительной патологии за статью „Является ли болезнь реверсией?“. Член-корреспондент Шведского общества патологов. Автор статей „Некоторые случаи атавизма“ («Ланцет», тысяча восемьсот восемьдесят второй), „Прогрессируем ли мы?“ („Психологический журнал“, март восемьдесят третьего). Врач приходов Гримпен, Торсли и Хай-Барроу».

— О местных клубах, Ватсон, никаких упоминаний, — заключил Холмс, лукаво улыбаясь, — но насчет деревенского доктора вы оказались провидцем. Полагаю, мои умозаключения подтверждены. Что до черт характера, то, помнится, я сказал: «Дружелюбный, нечестолобивый, рассеянный». Мой жизненный опыт свидетельствует: заслужить от коллег подобное подношение мог только человек дружелюбный; покинуть Лондон ради работы в деревне мог только человек, лишенный честолюбия; прождав в гостинной час, оставить там вместо визитной карточки свою трость мог только человек рассеянный.

— А что же собака?

— Собака носила за хозяином трость. Груз немалый, и собака плотно держала его зубами за середину, где видны четкие отметины. Судя по расстоянию между ними, челюсть, по-моему, великовата для терьера, но маловата для мастифа. Это может быть... а, ну да, это курчавый спаниель.

За разговором Шерлок встал и принялся расхаживать по комнате. Теперь же он остановился в оконной нише. Утверждение его прозвучало столь категорично, что я удивленно поднял глаза.

— Дружище, но почему вы так уверены?

— По той простой причине, что вижу эту собаку у самых наших дверей. А вот и звонит ее хозяин. Прошу, Ватсон, не уходите. Доктор Мортимер — ваш собрат по профессии, и мне может понадобиться ваша помощь. Вот он, Ватсон, переломный миг судьбы: на лестнице слышатся шаги, сейчас кто-то войдет в твою жизнь, а к добру или к худу — ты не знаешь. О чем попросит доктор Джеймс

Мортимер, человек науки, Шерлока Холмса, знатока криминалистики? Войдите!

Увидев посетителя, я удивился, потому что представлял себе типичного деревенского врача. Но доктор Мортимер оказался необычно высок и сухощав; длинный нос его походил на птичий клюв, за очками в золотой оправе сверкали серые, близко посаженные глаза. Одет он был, как принято у докторов, но притом довольно неряшливо: сюртук в пятнах, брюки обтрепаны. Несмотря на молодость, он уже сильно сутулился и при ходьбе вытягивал голову вперед, всем видом выражая внимание и доброе расположение. Войдя, он сразу заметил в руке Холмса трость и с ликующим возгласом кинулся к ней.

— Радость какая! — воскликнул он. — Я все гадал, где ее оставил, здесь или в паровой конторе. За все блага мира не согласился бы расстаться с этой тростью.

— Подарок, как я понимаю, — заметил Холмс.

— Да, сэр.

— От Чаринг-Кросского госпиталя?

— От двух-трех друзей, по случаю моей женитьбы.

— Боже, ну и досада. — Холмс покачал головой.

Доктор Мортимер в кротком изумлении захлопал глазами за стеклами очков.

— Что же тут досадного?

— Только то, что вы разрушили нашу цепь умозаключений. Женитьба, говорите?

— Да, сэр. Я женился и потому покинул госпиталь, а с ним все надежды стать врачом-консультантом. Необходимо было обзавестись собственным домом.

— Ну ладно, в конце концов, мы не так уж уклонились от истины. А теперь, доктор Джеймс Мортимер...

— Мистер, сэр, мистер... скромный Ч. К. К. Х.

— И очевидно, человек с научным складом ума.

— Дилетант в науке, мистер Холмс. Подбираю ракушки на берегу этого таинственного и необъятного океана. Полагаю, я обращаюсь к мистеру Шерлоку Холмсу, а не к...

— Мой друг доктор Ватсон сидит перед вами.

— Рад знакомству, сэр. Слышал вашу фамилию, ее упоминали в связи с вашим другом. Вы очень меня интересуете, мистер Холмс. Долихоцефалия, выступающие надбровные дуги — не ожидал. Вы не будете против, если я легонько пробежусь пальцами по вашей теменной борозде? Ваш череп, сэр, а вернее, до поры до времени его

слепок украсил бы коллекцию любого музея антропологии. Не хочу льстить, но признаюсь, ваш череп пробуждает во мне зависть.

Шерлок Холмс жестом пригласил нашего странного посетителя сесть.

— Замечаю, сэр, что в своем деле вы такой же энтузиаст, как я в своем. Судя по виду вашего указательного пальца, вы курите самокрутки. Закуривайте, не стесняйтесь.

Достав бумагу и табак, доктор Мортимер на удивление сноровисто скрутил папиросу. Его длинные ловкие пальцы постоянно подрагивали, как усики насекомого.

Холмс молчал, но то и дело мерил нашего необычного гостя милым взглядом, выдававшим немалый интерес.

— Вероятно, сэр, — произнес он наконец, — вчера вечером и нынче утром вы почтили нас визитом не ради изучения моего черепа?

— Нет, сэр, нет; хотя я рад случаю сделать попутно и это. Я явился к вам, мистер Холмс, поскольку сознаю, что в практической жизни довольно беспомощен, меж тем передо мной внезапно встала весьма серьезная и необычная проблема. Мне известно, что среди европейских специалистов вам принадлежит второе место...

— В самом деле, сэр? Могу я осведомиться, кто же в таком случае первый? — Вопрос Холмса прозвучал несколько резко.

— Для человека, мыслящего строго научно, весьма ценны работы месье Бертильона.

— Тогда не лучше ли вам обратиться за консультацией к нему?

— Я говорил, сэр, о строго научном мышлении. Но что касается практики, то тут, как повсеместно признано, вам нет равных. Надеюсь, сэр, я не задел нечаянно...

— Разве что самую малость. Полагаю, доктор Мортимер, вы поступите мудро, если без дальнейших отступлений подробно поведаете, отчего вам понадобилась моя помощь.

Глава II

ПРОКЛЯТИЕ БАСКЕРВИЛЕЙ

— У меня в кармане манускрипт, — начал доктор Джеймс Мортимер.

— Я это заметил, когда вы входили, — кивнул Холмс.

— Старинный манускрипт.

— Начало восемнадцатого века, если, конечно, не подделка.

— Откуда вам это известно, сэр?

— Кончик, длиной дюйма два, торчит наружу, и, пока вы говорили, у меня была возможность его рассмотреть. Плох тот эксперт, который не способен датировать документ с точностью до полутора десятков лет. Может, вам попалась на глаза моя монография по этой теме. Я отношу ваш манускрипт примерно к тысяча семьсот тридцатому году.

— Точная дата — тысяча семьсот сорок второй. — Доктор Мортимер вынул бумагу из нагрудного кармана. — Этот фамильный документ доверил мне сэр Чарльз Баскервиль; около трех месяцев назад его внезапная трагическая смерть потрясла весь Девоншир. Осмелюсь утверждать, я был не только его личным врачом, но и близким другом. Сэр Чарльз был человек умный, трезвый и практичный, и воображение имело над ним не большую власть, чем надо мной. Однако же к этой легенде он относился очень серьезно и о том конце, который его постиг, догадывался заранее.

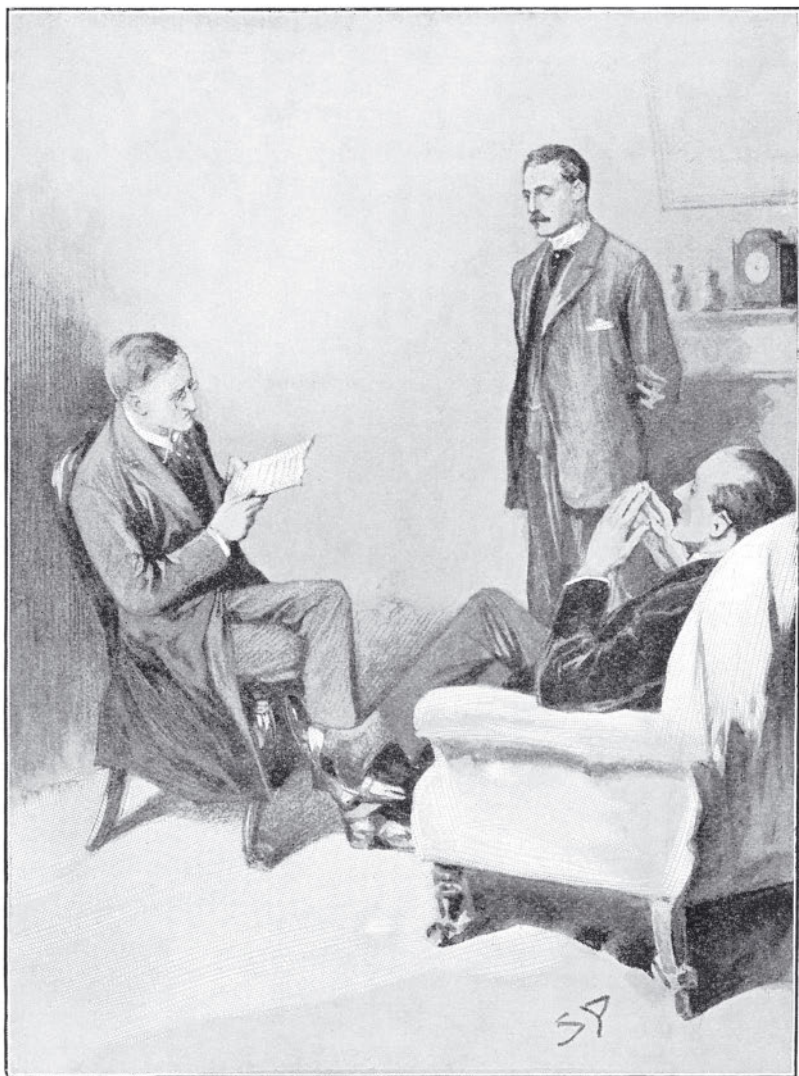
Холмс взял манускрипт и расправил его на колене.

— Обратите внимание, Ватсон, как чередуются длинные и короткие буквы «S». Это один из признаков, которые помогли мне определить дату.

Склонившись над его плечом, я стал рассматривать пожелтевшую бумагу и выцветшие литеры. В начале было обозначено: «Баскервиль-Холл», и ниже крупно и небрежно нацарапаны цифры: «1742».

— Похоже, здесь изложена какая-то история.

— Да, легенда, бытующая в семье Баскервиль.

— Но как я понимаю, консультация вам потребовалась по вопросу практическому и более современному?

— Самому что ни на есть современному. Вопрос практический и неотложный — его нужно решить в ближайшие двадцать четыре часа. Но манускрипт тесно с ним связан и много времени у вас не отнимет. С вашего разрешения я его зачитаю.

Холмс покорно откинулся на спинку кресла, соединил кончики пальцев и опустил веки. Доктор Мортимер поднес манускрипт к свету и высоким надтреснутым голосом начал читать написанный старинным слогом рассказ, который оказался весьма занимателен.

«Немало историй ходило о том, откуда взялась собака Баскервильей, но мне, прямому потомку Хьюго Баскервиля, рассказывал о ней отец, а ему в свою очередь дед, и посему, заноса на бумагу ниже следующее повествование, я нимало не сомневаюсь в том, что оно верно с первого слова до последнего. И мне, сыны мои, хотелось бы внушить вам надежду, что Вышний Судия, карающий грешников, не чужд снисходительности и нет такого проклятия, против которого бессильны раскаяние и усердная молитва. Читая эту историю, не думайте со страхом о плодах прошлого, но учитесь быть осмотрительными в будущем, дабы не воскресить, себе на погибель, те нечистые страсти, что навлекли уже на наш род столь тяжкие бедствия.

Узнайте же, что во времена Великого Мятежа (настоятельно рекомендую вашему вниманию труд ученейшего лорда Кларендона о его истории) нашим поместьем владел отпрыск семьи Баскервиль по имени Хьюго — нрава, надобно признаться, самого необузданного и нечестивого. Соседи, по правде говоря, смотрели бы на это сквозь пальцы, ибо святых в наших краях сроду не водилось, не будь он притом дьявольски жесток и распутен, и так его имя сделалось притчей во языцех по всему Западу. Однажды названный Хьюго воспылил любовью (если заслуживает этого светлого наименования столь темная страсть) к дочери одного йомена, чье владение располагалось близ усадьбы Баскервильей. Однако юная девица, известная благоразумием и непорочностью, избегала Хьюго от страха перед его злым именем. И вот как-то на Михайлов день, зная, что йомена с сыновьями не будет дома, названный Хьюго, заручившись помощью полудюжины праздных и лихих сотоварищей, пробрался на ферму и похитил девушку. Воротившись, они заперли свою пленницу в комнате на верхнем этаже, а сами, как было у них в обычае, затеяли ночную пирушку. У бедняжки, запертой наверху, наверное, ум заходил за разум от доносившихся с нижнего этажа воплей и страшной божбы, ведь, по свидетельствам, Хьюго Баскервиль в винном чаду бранился так, что другого уже поразил бы гром. В страхе и отчаянии она решилась на то, на что не хватило бы духу у самого храброго, полного сил мужчины, а именно — спустилась вниз по плющу, тогда, как и сейчас, одевавшему южную стену дома,

и по вересковой пустоши бросилась бежать к отцовской ферме, которую отделяли от усадьбы три лиги.

Случилось так, что вскоре Хьюго покинул гостей, дабы накормить и напоить пленницу, а может и задумав что-то недоброе, но обнаружил, что клетка пуста и птичка улетела. Тут его, похоже, обуял

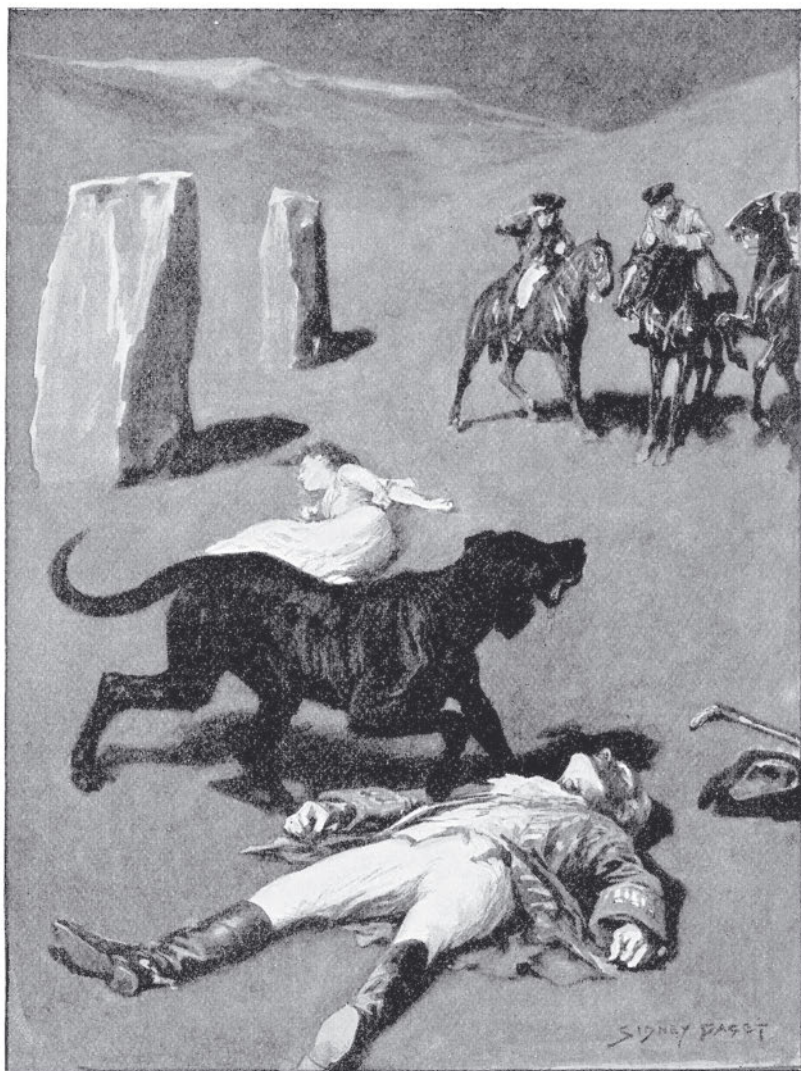
дьявол, и он стремглав слетел по лестнице в зал, вскочил, раскидывая бутылки и блюда, на пиршественный стол и перед лицом всей честной компании поклялся той же ночью отдать свое тело и душу силам зла, пусть только они помогут ему настичь беглянку. Гуляки застыли, пораженные его яростью, но один, то ли самый злонравный, то ли самый упившийся, крикнул, что надо пустить по следу собак. Хьюго ринулся за порог, крикнул слугам, чтобы седлали его кобылу и вывели наружу свору, дал собакам понюхать платок девицы и отправил искать след. С шумом и гамом понеслась погоня по освещенной луною пустоши.

Гуляки вначале растерялись, не понимая, отчего началась суматоха. Но скоро сквозь винный дурман до них дошло, что творится на пустоши. Все засуетились: кто требовал пистолет, кто — лошадь, кто — новую фляжку вина. Наконец в головах у них просветлело, и все, общим счетом тринадцать, вскочили на лошадей и пустились в погоню. В небе ярко светила луна, всадники во весь опор летели к ферме, куда наверняка должна была побежать девица.

К концу второй мили им попался на верещатниках ночной пастух, и они спросили, не встречал ли он погоню. Как рассказывают, тот едва шевелил языком от страха, но потом все же сознался, что видел несчастную девицу и собак у нее за спиной. „Но я видел и более того, — продолжил пастух. — Меня миновал Хьюго Баскервиль на своей вороной кобыле, а за ним гналась без звука собака — настоящее исчадие ада, спаси меня, Господи, от нее и помилуй!“

Осыпав пастуха бранью, хмельные сквайры продолжили путь. Скоро, однако, их бросило в дрожь, ибо по полю пронеслась галопом вороная кобыла: морда в мыле, поводья волочатся, седло пустое. Гуляк охватил великий страх, они сбились в кучу и не так торопливо, как прежде, поскакали дальше, хотя в одиночку каждый из них непременно поворотил бы назад. Наконец они настигли собак. Породистые псы, славные своей храбростью, скулили и повизгивали на краю небольшой ложбины, какие у нас называют буераками. Одни держались поодаль, другие, щетинясь и пуча глаза, заглядывали вниз.

Преследователи остановились. Все они, само собой, успели немного протрезветь. Большинство отказывались стронуться с места, но трое самых храбрых — а может быть, самых упившихся — спустились в ложбину. Буерак вел к просторной площадке, где высились, да и высятся до сих пор, два больших камня, из тех, что остались от древнего забытого народа. Посередине этой голой площадки, под ярким светом луны, лежало тело несчастной девицы, испустив-

шей дух от страха и усталости. Но не эта картина и даже не тело Хьюго Баскервиля, простертое рядом, повергло в дрожь троих отчаянных бражников. Над Хьюго склонилась, терзая его глотку, гнусная тварь — подобие черной собаки, но такой громадной, какой ни один смертный никогда не видывал. Не переставая рвать клыками горло Хьюго, зверь уставил на них горящий взгляд и ощерился,

отчего все трое с воплями ужаса стремглав обратились в бегство. Говорят, той же ночью один из них, не вынеся пережитого, умер, а двое других до конца своих дней так и не пришли в себя.

Такова, сыны мои, повесть о пришествии собаки, которая, скажут, с тех самых пор безжалостно преследует наш род. И если я решил предать эту повесть бумаге, то потому, что лучше знать об опасности достоверно, чем по намекам и догадкам. Не стану отрицать, что многих наших предков смерть постигла внезапно, причем смерть кровавая и таинственная. Положимся же на беспредельную благодать Провидения и будем надеяться, что, как сказано в Святом Писании, кара Его коснется не более чем трех-четырех безвинных поколений. Итак, вверяю вас, сыны мои, Провидению, но прошу из осторожности помнить мой совет: не пересекайте пустошь в ночные часы, когда там пробуждаются силы зла.

(Написано Хьюго Баскервилем для сыновей его — Роджера и Джона, с наказом хранить сие в тайне от их сестры Элизабет)».

Закончив читать эту странную повесть, доктор Мортимер сдвинул очки на лоб и устремил взгляд на мистера Шерлока Холмса. Тот зевнул и стряхнул в огонь пепел с папиросы.

— Ну и? — спросил он.

— По-вашему, это неинтересно?

— Интересно — для собирателей сказок.

Доктор Мортимер вытащил из кармана сложенную газету.

— А теперь, мистер Холмс, перейдем к событиям не столь давним. Это «Девон кантри кроникл» от четырнадцатого июня текущего года. Про смерть, несколькими днями ранее, сэра Чарльза Баскервиля — краткий пересказ установленных фактов.

Мой друг подался вперед, всем видом выражая внимание. Посетитель поправил очки и начал читать.

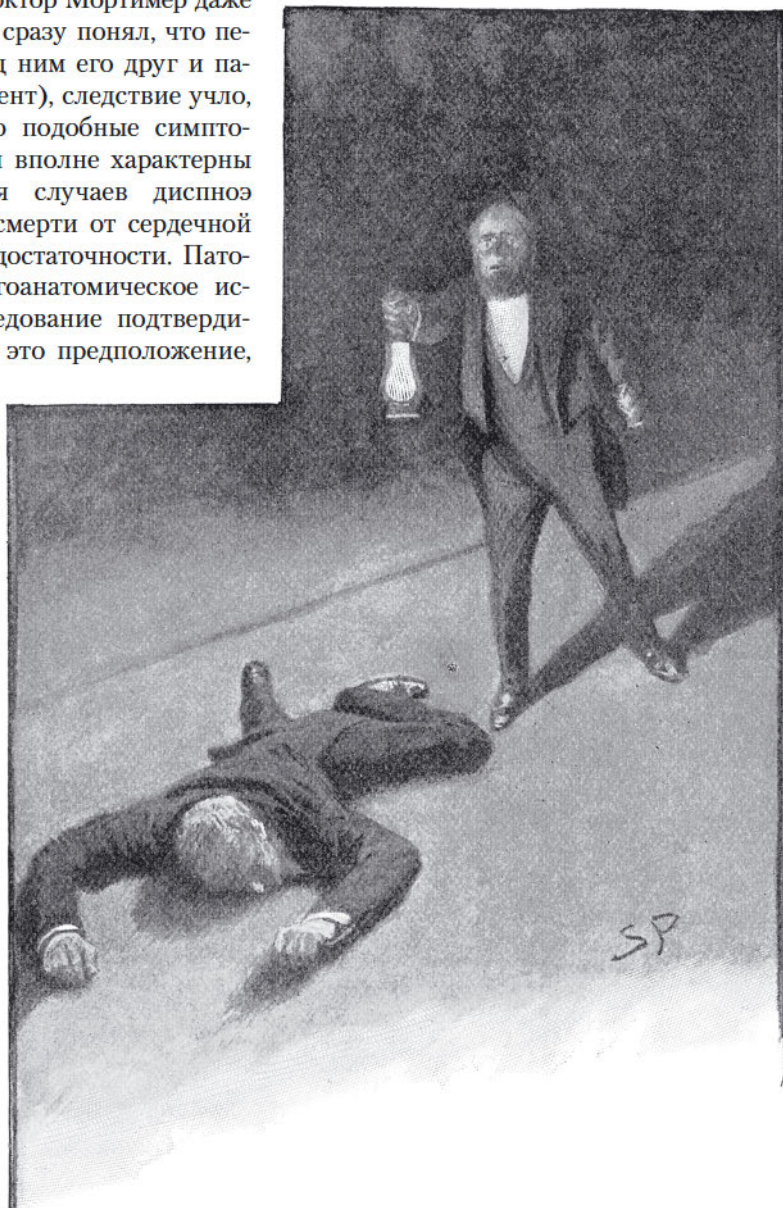
«Все графство скорбит по поводу внезапной кончины сэра Чарльза Баскервиля, которого не так давно называли возможным кандидатом от Либеральной партии в Мид-Девоне на ближайших выборах. Сэр Чарльз жил в Баскервиль-Холле сравнительно недолго, однако благодаря своей доброжелательности и редкостной щедрости завоевал симпатии всех, кто был с ним знаком. В наши времена нуворишей можно было лишь радоваться тому, как отпрыск древнего рода, знавшего лучшие времена, сумел нажить в чужих краях состояние, дабы на родине возродить былую славу семейства. Как известно, сэр Чарльз приобрел немалое богатство на спекуляции юж-

ноафриканскими ценными бумагами. Проявив бóльшую прозорливость, нежели те, кто дождался, пока колесо Фортуны повернет в обратную сторону, он вовремя обналечил свой выигрыш и вернулся в Англию. Всего лишь два года назад он поселился в Баскервиль-Холле, где, как все говорили, наметил обширные планы переделок и усовершенствований, ныне остановленных его смертью. Будучи бездетным, он прилюдно выражал желание, чтобы его богатство, пока он жив, приносило бы пользу всей округе, и многие соседи имеют особые основания скорбеть из-за его безвременной кончины. На этих страницах неоднократно сообщалось о его щедрых пожертвованиях на благотворительные нужды — как местные, так и в пределах графства.

Следствию не удалось полностью прояснить обстоятельства смерти сэра Чарльза, но, по крайней мере, необоснованность слухов, порожденных местными суевериями, была вполне доказана. На преступное посягательство ничто не указывает; иных причин смерти, кроме естественных, не выявлено. Сэр Чарльз был вдовцом и, можно сказать, человеком несколько эксцентрическим. Будучи очень богат, он вел довольно непритязательную жизнь, и весь его домашний штат состоял из семейной пары по фамилии Бэрримор. Муж исполнял обязанности дворецкого, а жена — экономки. И они, и друзья сэра Чарльза свидетельствуют: здоровье его в последнее время пошатнулось. Он страдал от болезни сердца, на что указывали перемены цвета лица, одышка, а также острые приступы нервного расстройства. С этим выводом согласился и доктор Джеймс Мортимер, друг и домашний врач покойного.

Факты несложны. Сэр Чарльз любил прогуливаться перед сном по знаменитой тисовой аллее Баскервиль-Холла. Бэрриморы показывают, что это вошло у него в обычай. Четвертого июня сэр Чарльз объявил, что на следующий день собирается в Лондон, и велел Бэрримору приготовить дорожные вещи. В тот раз он, как обычно, вышел на ночную прогулку, во время которой выкурил сигару. И не вернулся. В полночь Бэрримор, обнаружив, что дверь холла до сих пор открыта, встревожился, зажег фонарь и пошел искать хозяина. Погода была сырая, и по всей аллее четко отпечатались следы сэра Чарльза. На полпути от дома расположена калитка, выходящая на верещатники. Судя по следам, сэр Чарльз ненадолго здесь остановился. Потом он продолжил путь; его тело обнаружили в самом конце аллеи. Непонятным осталось только утверждение Бэрримора, что за калиткой, выходящей на верещатники, следы хозяина изменились: похоже, далее он шел на цыпочках. Примерно в это время

на пустоши находился некто Мерфи, цыган-лошадник, однако, по его собственному признанию, он был в стельку пьян. Мерфи утверждает, будто слышал крики, но где кричали, сказать не может. Следов насилия на теле сэра Чарльза не найдено, и, хотя, по словам доктора, черты лица были невероятно, до неузнаваемости искажены (доктор Мортимер даже не сразу понял, что перед ним его друг и пациент), следствие ушло, что подобные симптомы вполне характерны для случаев диспноэ и смерти от сердечной недостаточности. Патологоанатомическое исследование подтвердило это предположение,

обнаружив признаки застарелой органической болезни, и коронерское жюри вынесло вердикт, согласный с медиками. И это к лучшему: чрезвычайно важно, чтобы наследник сэра Чарльза поселился в Баскервиль-Холле и продолжил благую деятельность, прерванную трагической смертью прежнего владельца. Если бы прозаическое заключение coronera не положило конец романтическим выдумкам, которые шепотом передавали в связи с этим делом, Баскервиль-Холлу грозило бы остаться без обитателя. Предполагается, что ближайшим родственником является мистер Генри Баскервиль, если он жив, — сын младшего брата сэра Чарльза. По последним сведениям, молодой человек находился в Америке. Сейчас его ищут, чтобы сообщить о наследстве».

Доктор Мортимер сложил газету и спрятал обратно в карман.

— Таковы, мистер Холмс, факты о смерти сэра Чарльза Баскервилья, известные общественности.

— Я должен вас поблагодарить, — отозвался Шерлок Холмс. — Вы познакомили меня со случаем, который определенно не лишен интереса. В то время мне попадались на глаза кое-какие рассуждения в газетах, но я был полностью сосредоточен на деле о ватиканских камеях и, желая услужить папе, упустил из виду несколько интересных случаев, относящихся к Англии. Вы говорите, в статье перечислены все известные публике факты?

— Да.

— Тогда поведайте мне о том, что публике неизвестно.

Холмс откинулся на спинку кресла и соединил домиком кончики пальцев; черты его выразили беспристрастное внимание.

— Учтите, — начал доктор Мортимер, которого явно охватило волнение, — вы будете первым человеком, кому я об этом расскажу. На коронерском следствии я кое о чем умолчал, ибо не пристало человеку науки подпитывать простонародные суеверия. К тому же, как сказано в газете, Баскервиль-Холл останется пуст, если к его и без того дурной славе добавятся новые толки. По этим двум причинам я и предпочел скрыть некоторые детали, ведь их обнародование ни к чему хорошему бы не повело. Но с вами я могу быть вполне откровенен.

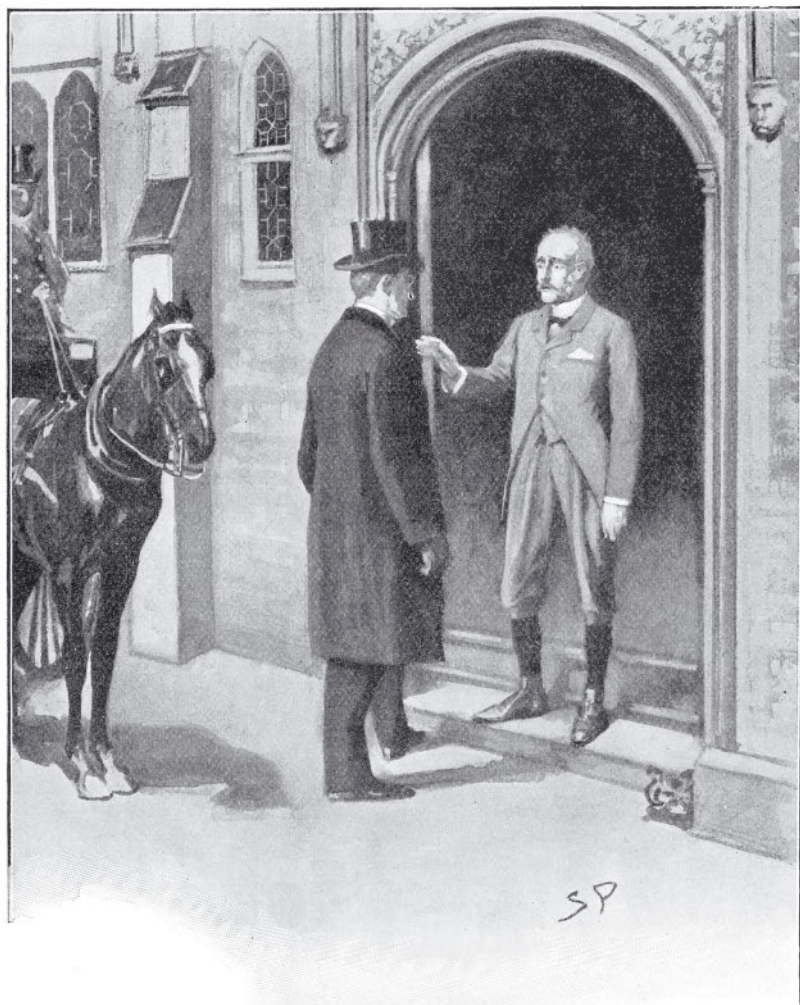
На здешних верещатниках обитателей раз-два и обчелся, поэтому соседи общаются очень тесно. Вот и мы с сэром Чарльзом Баскервилем то и дело виделись. За исключением мистера Фрэнкленда из Лафтер-Холла и мистера Стейплтона, натуралиста, в окрестностях

больше нет образованных людей. Сэр Чарльз отличался замкнутым нравом, но его болезнь нас сблизила, а общий интерес к наукам подкрепил эту дружбу. Из Южной Африки он вернулся с обширным запасом научных сведений, и многие вечера прошли у нас за увлекательным обсуждением анатомических различий между бушменом и готтентотом.

В последние месяцы я все более убеждался, что нервная система сэра Чарльза находится в критическом состоянии. Легенду, которую я вам зачитал, он принял близко к сердцу; проникся ею до такой степени, что, хотя регулярно гулял по парку, ни за что на свете не вышел бы в ночную пору на пустошь. Хотите верьте, хотите нет, мистер Холмс, но сэр Чарльз был искренне убежден в том, что над Баскервильями тяготеет злой рок, и, надо сказать, сведения о предках несколько его не обнадеживали. Всюду ему чудилась какая-то грозная тень, и не однажды он задавал вопрос, не попадалась ли мне на глаза, когда я ночью посещал больных, непонятная тварь и не слышался ли лай. О лае он спрашивал особенно часто, и голос его при этом дрожал.

Вспоминаю ясно, как недели за три до трагедии я подъезжал вечером к Баскервиль-Холлу. Сэр Чарльз как раз стоял в дверях. Я сошел с двуколки, приблизился к нему и обнаружил, что он смотрит не на меня, а вдаль и лицо его выражает безграничный ужас. Проворно обернувшись, я краем глаза успел заметить крупное животное, похожее на черного теленка, мелькнувшее за дальним концом подъездной аллеи. Сэр Чарльз был не на шутку встревожен, и мне пришлось вернуться туда и посмотреть, что это было. Теленок, однако, уже скрылся из виду, и этот случай вывел моего пациента из равновесия. Я задержался у него на весь вечер, и именно тогда, чтобы объяснить свое волнение, он ознакомил меня с рассказом, который я вам прочитал, и поручил хранить манускрипт. Этот незначительный случай я упоминаю потому, что после произошедшей трагедии стал оценивать его несколько иначе, хотя в ту пору не усмотрел в нем ничего такого, чего стоило бы пугаться.

Сэр Чарльз собирался в Лондон, и это я дал ему такой совет. Сердце у него, как я знал, было нездоровое, а жил он в постоянной тревоге, пусть и без основательного повода, и это серьезно на нем сказывалось. Я рассчитывал, что после нескольких месяцев лондонских развлечений он вернется домой другим человеком. Того же мнения придерживался и наш общий друг мистер Стейплтон, которого тоже заботило недомогание сэра Чарльза. Но в самый последний момент произошло это жуткое несчастье.

В ночь смерти сэра Чарльза его тело обнаружил дворецкий Бэрримор и послал за мной Перкинса, конюха. Тот приехал верхом, я еще не спал, так что уже через час был в Баскервиль-Холле. Все факты, упомянутые следствием, известны мне непосредственно. Я изучал следы на тисовой аллее, видел место у калитки, где сэр Чарльз как будто останавливался, заметил, как за калиткой изменился характер следов, обратил внимание, что из других отпечатков на

мелком гравии имелись только следы Бэрримора, и, наконец, тщательно осмотрел тело, которое до моего прихода никто не трогал. Сэр Чарльз лежал ничком, руки были раскинуты, пальцы цеплялись за землю, черты из-за какого-то сильного потрясения искажены так, что я едва его узнал. Физических повреждений не было никаких, в этом я уверен. Но Бэрримор на следствии в одном случае ошибся. Он сказал, что следов вокруг тела не было. Он их просмотрел. А я заметил — немного поодаль, но свежие и четкие.

— Отпечатки ног?

— Да.

— Мужчины или женщины?

Секунду доктор Мортимер мерил нас загадочным взглядом, а потом, понизив голос чуть ли не до шепота, ответил:

— Мистер Холмс, это были лапы гигантской собаки!

СОДЕРЖАНИЕ

СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ

Еще одно приключение Шерлока Холмса

Перевод Л. Бриловой

Возрождение Шерлока Холмса. <i>Перевод М. Назаренко</i>	7
Глава I. Мистер Шерлок Холмс	9
Глава II. Проклятие Баскервильей	16
Глава III. Загадка	29
Глава IV. Сэр Генри Баскервиль	39
Глава V. Три оборванные нити	52
Глава VI. Баскервиль-Холл	63
Глава VII. Стейплтоны из Меррипит-Хауса	75
Глава VIII. Первый отчет доктора Ватсона	90
Глава IX. [Второй отчет доктора Ватсона] Огонек на пустоши	99
Глава X. Выдержка из дневника доктора Ватсона	117
Глава XI. Человек на холме	128
Глава XII. Смерть на пустоши	142
Глава XIII. Сеть готовится	157
Глава XIV. Собака Баскервильей	169
Глава XV. Взгляд назад	185

ЕГО ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН

Воспоминания о Шерлоке Холмсе

Предисловие. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	197
I. Вистерия-Лодж. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	198
II. Картонная коробка. <i>Перевод С. Сухарева</i>	232
III. Красный круг. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	255
IV. Чертежи Брюса-Партигтона. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	276
V. Умиравший сыщик. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	306

СОДЕРЖАНИЕ

VI. Исчезновение леди Франсес Карфэкс. <i>Перевод С. Сухарева</i>	324
VII. Нога дьявола. <i>Перевод С. Сухарева</i>	346
VIII. Его прощальный поклон. Эпилог. <i>Перевод С. Сухарева</i>	373

АРХИВ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Предисловие. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	393
Приключение I. Сиятельный клиент. <i>Перевод С. Сухарева</i>	395
Приключение II. Солдат с белым лицом. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	426
Приключение III. Камень Мазарини. <i>Перевод С. Сухарева</i>	448
Приключение IV. «Три фронтона». <i>Перевод Л. Бриловой</i>	467
Приключение V. Вампир в Сассексе. <i>Перевод С. Сухарева</i>	486
Приключение VI. Три Гарридеба. <i>Перевод С. Сухарева</i>	506
Приключение VII. Загадка Торского моста. <i>Перевод С. Сухарева</i>	527
Приключение VIII. Человек на четвереньках. <i>Перевод С. Сухарева</i>	556
Приключение IX. Львиная грива. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	581
Приключение X. Квартирантка под вуалью. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	601
Приключение XI. Шоском-Олд-Плейс. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	615
Приключение XII. Москательщик на покое. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	635

ПРИЛОЖЕНИЯ

Перевод Л. Бриловой

ПРИЛОЖЕНИЕ I. Книга из библиотеки Королевского
кукольного домика

Письмо принцессы Марии-Луизы	655
Как Ватсон выучился трюку	656

ПРИЛОЖЕНИЕ II. Военная служба Шерлока Холмса

Из книги «Воспоминания и приключения»

Канун войны	658
Воспоминания о темных годах	663
На французском фронте	667
[Конец войны]	670
Из речи на банкете фирмы «Столл»	671

ПРИЛОЖЕНИЕ III. Подводя итоги

Артур Конан Дойль. Личные воспоминания о мистере

Шерлоке Холмсе	672
----------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Беве́рли Николс. Сэр Артур Конан Дойль, или Неблагодарный родитель	681
Конкурс Шерлока Холмса	685
Результаты конкурса Шерлока Холмса	687
Предисловие к полному собранию рассказов о Шерлоке Холмсе	690
Предисловие к полному собранию повестей о Шерлоке Холмсе	691
ПРИЛОЖЕНИЕ IV. Последнее приключение	
Артур Конан Дойль. Из предисловия к книге «Воспоминания и приключения»	693
Артур Конан Дойль. По сей день. [Последняя глава автобиографии]	695
Интервью с сэром А. Конан Дойлем	701
У. Р. Титтертон. Прощальные слова Конан Дойля. Почему следующая жизнь лучше	705
Эпитафия	709
Винсент Старретт. 221Б. <i>Перевод М. Галиной</i>	711
ПРИМЕЧАНИЯ. <i>М. Назаренко</i>	713
Пересчет мер и весов	778

Дойль А. К.

Д 62 Собака Баскервилей ; Его прощальный поклон ; Архив Шерлока Холмса : роман, рассказы / Артур Конан Дойль ; пер. с англ. Л. Бриловой, С. Сухарева, М. Назаренко, М. Галиной (стихи). — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 784 с. : ил. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-09928-9

Английский врач и писатель сэр Артур Конан Дойль известен всему миру как непревзойденный мастер детективного жанра, автор множества произведений о гениальном сыщике Шерлоке Холмсе и его верном друге докторе Ватсоне. Классические переводы этих рассказов и романов, делавшиеся давно и множеством разных переводчиков, страдают известными недостатками: расхождения, пропуски, откровенные ошибки. Вашему вниманию предлагается заключительный том (роман «Собака Баскервилей», сборники «Его прощальный поклон» и «Архив Шерлока Холмса») из давно готовившегося четырехтомника с полным переводом всего холмсовского канона. Это воистину уникальное издание: все произведения цикла переведены заново Людмилой Бриловой и Сергеем Сухаревым — мастерами, чьи переводы Кадзуо Исигуро и Рэя Брэдбери, Фрэнсиса Скотта Фицджеральда и Чарльза Паллисера, Томаса Де Квинси, Германа Мелвилла и других давно стали классическими. При этом в каждый том включено множество дополнительных материалов: предисловия к ранним публикациям, воспоминания Конан Дойля, касающиеся тех или иных произведений, некоторые интервью писателя. Плюс каждый том снабжен обширнейшими комментариями и богато иллюстрирован лучшими классическими рисунками.

В данную книгу включен полный комплект иллюстраций, сопровождавших исходную публикацию в журнале «Стрэнд» романа «Собака Баскервилей» и всех рассказов из обоих сборников, — иллюстраций Сидни Пэджета, Уолтера Пэджета, Гилберта Холидея и других художников.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

АРТУР КОНАН ДОЙЛЬ
СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ.
ЕГО ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН.
АРХИВ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Владимир Гусаков
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Корректоры Татьяна Бородулина, Анна Быстрова

Подписано в печать 22.03.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 49. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ILN-17955-01-R